

З А С Т И В И С М И Т

Мария Степанова

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Мария Михайловна Степанова

За Стиви Смит

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50215119

За Стиви Смит/ Степанова М.М.: Новое издательство; Москва; 2020

ISBN 978-5-98379-246-3

Аннотация

Мария Степанова родилась в 1972 году в Москве. Автор двенадцати поэтических книг, включая книги избранных стихотворений «Стихи и проза в одном томе» (2010) и «Против лирики» (2017), трех сборников эссе – «Один, не один, не я» (2014), «Три статьи по поводу» (2015), «Против нелюбви» (2018) – и романа «Памяти памяти» (2017).

Содержание

«Музочка моя сидит в печали...»	5
«Они пели и пели на верхней ноте...»	6
«Скрыто полями широкой шляпы лицо Посла...»	7
«Я странной шел тропой, мой друг...»	8
«All things pass...»	9
«Чье лицо я вижу...»	10
«О что происходит, чего от меня хотят?..»	11
«О Максимилиан дикой и строгой...»	12
«Бойся мужчины с маленьким ртом...»	13
«Милые дочки, прислушайтесь к вашей маме...»	14
«Я та самая Персефона...»	15
«Она прилегла...»	17
«Мое сердце без меры благодарит Творца...»	18
«Женщина ты злая, дурное существо...»	19
«Было тогда мне семьдесят три»	20
«В море, в море я в океане...»	21
«Нет мы не будем вместе я...»	23
«Мама, мама, в мусорных баках, в сухом говне...»	24
«Дайте мне полететь...»	25
«Выключите свет...»	27
«Барашек умер. Мать-Природа плачет...»	28

«О жар любовный...»	29
«У нас ни мамы нет, ни папы нет, ни друга...»	31
«Гарри, прощай, я недолго буду с тобой...»	32
«Возможно, я уже немолодой...»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мария Степанова За Стиви Смит

«Музочка моя сидит в печали...»

Музочка моя сидит в печали.

Жалеет, что ее вообще зачали.

Одинешенька сидит на сквозняке.

Все, что ею подсказано, так и не сказано на моем языке.

Почему почему моя муза говорит, лишь когда в печали?

Нет, это я ее слушаю, лишь когда я в печали.

А когда я счастлива, я живу и плюю на процесс письма.

Музу это должно деморализовывать весьма.

«Они пели и пели на верхней ноте...»

Они пели и пели на верхней ноте
Трала-ла-ла и парам-пам-пам
И никто не спросит, о чем поете
(Трала-ла-ла-ла все равно).

«Скрыто полями широкой шляпы лицо Посла...»

Скрыто полями широкой шляпы лицо Посла.
На белом коне он мчит через ад, смотрит вперед
и назад,
Все врата распахиваются перед ним, закрываются вновь.
В таинствах он наставник. Но и площади рыночной
Он хорошо знаком: тот, кто украл кольцо
И трезубец, и перевязь, и скипетр, и меч,
И множество полезных механических штук.
Воры его чтят. По землям тьмы он ездит беспечно,
Иногда подымаясь в воздух и в нем зависая беззвучно.

«Я странной шел тропой, мой друг...»

Я странной шел тропой, мой друг,
В молчанье погружен,
Я слишком далеко зашел
И провалился в сон.

И провалился в сон, мой друг,
Где жажда без причины
И слезы без кручины,
Куда вела тропа, мой друг,
И там пропал.

«All things pass...»

All things pass.

Love and mankind is grass.

Ничего не останется.

Ничего: мы трава, мы куда-то тянется.

«Чье лицо я вижу...»

Чье лицо я вижу,
Глядя в зеркальцо?
Агнец Божий,
Там мое лицо!
При такой невезучести
Мне нужна перемена участи.
Агнец Божий, прими меня
И на что-нибудь поменяй.

«О что происходит, чего от меня хотят?..»

О что происходит, чего от меня хотят?

О зачем я медленно превращаюсь в кошку без котят?

Может, Зевсу моя любовь надоела

И он выселяет бродяжку в чужое тело?

Или без лишних споров позволил Гере

Отделаться от меня в своей манере?

Что за прелесть эта бархотка, о на бачки мои взгляните,

На этой крыше я всех милей, зовите меня Кити.

«О Максимилиан дикий и строгой...»

О Максимилиан дикий и строгой
Ты звал меня деткой дорогой и своей недотрогой,
Которую ты любил, наряжал, в свет выводил,
Которую прижимал к груди,
Меня, какую возвел и назвал в уме
Своим счастливым домиком, сияющим во тьме.
Почто ты хмуришься? мои столбы
Рушатся, как Иерихон от звука трубы,
Опоры не держат, контрфорсы перекосило,
Где краса недавняя, где сила?
О никогда ни одно из гордых строений
Не впадало в ничтожество быстрее, чем твоя Дженни,
Когда ты отвернулся и смотришь букой.
Она как роман, в котором ни буквы.

«Бойся мужчины с маленьким ртом...

Бойся мужчины с маленьким ртом.

Бойся женщины с гладкой кожей.

Он все возьмет и уйдет потом.

И она тоже.

«Милые дочки, прислушайтесь к вашей маме...»

Милые дочки, прислушайтесь к вашей маме.

Я должна вас покинуть, будете тут сами.

Одна из вас пойдет за богатого.

Одна успеет к автобусу в четверть пятого.

Одна найдет дорогу домой,

чтобы жить в яме.

«Я та самая Персефона...»

Я та самая Персефона,
Что играла с друзьями во время оно
Под охраной общества и закона.

Хорошо или плохо нам было, не знаю.
Говорят, я теперь иная,
Была хорошая, стала дурная.

Странно ли, нет ли, что в сердце мая,
В гладкокрашенный полдень, все понимая,
Зимней бури цветок сорвала сама я?

И тут лопнуло небо, в дыму посевы,
Где мама, где папа? справа и слева
Мгла; под землей сказали – я теперь королева.

Солнце затмилось, как на иконе.
Я не кричала, не было и погони:
Только темный король и черные кони.

Не об отце, что этими вот руками
Правит снопами пшеницы и солнечными мудаками,
Я вспоминаю здесь, на снегу и камне.

Но мама, я так любила тебя и бросила,
Оставила, навек опростоволосила,
Горечью напоила дó зела.

Не рыдай меня мама,
О забудь меня мама,
О позволь мне остаться, мама.

А она все ищет меня по свету,
Кличет дочку, которой нету,
Персефона, о где ты, где ты.

Я в своей новой земле, в зимней школе,
Град, снег, голоть, дух бурен, дух боли,
Пальцы горят, говорят: не увидишь боле.

Угадает ли, знает ли мой муж, мой король,
Сколько мне радости
От этой зимности?

«Она прилегла...»

Она прилегла
оттого, что устала,
а когда она встала,
оказалось, что умерла.

И никто не знает, как это вышло.
Такие дела.

«Мое сердце без меры благодарит Творца...»

Мое сердце без меры благодарит Творца:
Он прописал мне смерть, как и прочей живности,
Что к тихой Смерти приходит, ища конца,
И та, как блох, снимает избыток живости

И выдает взамен ничто – целительное, хотя
Те, кто жив, полагают, что такого ничего не хотят.

«Женщина ты злая, дурное существо...»

Женщина ты злая, дурное существо,
Занозила сердце мне, привадила его
Горестной склонностью к любому негодяйству
И полной неспособностью к домашнему хозяйству.

«Было тогда мне семьдесят три»

Было тогда мне семьдесят три,
И ночью нелунной
Я лежал со своей новобрачной,
Чахоточной и юной.
Шла война, и над головой
Немцы бомбили Хэмпстед, издавая тягостный вой.
Одновременно с ними, притягивая внимание,
Наши воздушные силы летели бомбить Германию.
Гарри, они не столкнутся там?
В небе так мало места!
Я не стал бы на это рассчитывать,
О сестра моя, о невеста.

«В море, в море я в океане...»

В море, в море я в океане
И даю сигналы, но нет ответа,
А там, далеко, видать корабли,
Я сигналю, а ответа нету.

Может быть, я давно зачумлен —
И как не бояться меня такого?
Может быть, я причинил им зло
И сам забыл, а они все помнят?

Из темной ночи в тьму потемней
И огней людских уже не видать,
Но вода сама фосфоресцирует,
Там что-то сияет, и вот я вижу,

Глубже, чем запускаю руку,
Прозрачную рыбу с прозрачным нутром,
Ей пять тысяч миль до старого дна,
Над которым я плыву и плыву.

Потроха у нее стеклянные, глаза на стебельках,
Она живая, или снулая, или все равно ей?
Вот мне ткнулась в руку, путеплавающая тварь,
Не из тесной глубины, но из толщи поколений,

В полубомороке, ослабшая, но ясная во тьме
Длящаяся светящаяся рыба.

Мы повстречались, и на минуту
Я забываю, что я один
И хочу скорей ее показать,
Да кому я ее покажу?

«Нет мы не будем вместе я...»

Нет мы не будем вместе я
Тебе счастья не принесу
Я предпочла бы жить одна
В палатке в тропическом лесу

Я не то чтобы вовсе бездушная Гарри
Но мне тебя милей
Испарения джунглей и слоны
И очертанья чужих полей

«Мама, мама, в мусорных баках, в сухом говне...»

Мама, мама, в мусорных баках, в сухом говне
Я чувствую чье-то присутствие, там, на дне
Образ Его ворочается, показывается мне.

В мусорных баках, в обедках, в кошке с ее клубком
Перемещается Бог, он идет прямым,
Мама, широким шагом, заполняя весь их объем.

Я уже заставляла Бога в ручке метлы,
Когда подметала, и в паутине, покрывавшей углы,
Но более всего в тишине могилы.

«Дайте мне полететь...»

Дайте мне полететь,
Дайте мне умереть,
Дайте мне подойти к Нему.

Нет не к вам, ангелы вы крылаты,
Ваши серьезные лица, плотные латы,
Высокопрофессиональное то и это
И раздражающая манера
Давать советы.

Нет, не такое Создатель имел в виду,
Когда прописывал на земле ерунду —
Всякую тварь в сообразном теле —
И умилялся, когда росли и толстели.

Старайся, сказали ангелы, кто высоко забрался,
Тот хорошо старался.
Сделай усилие – и будешь как мы,
Или немножко ниже чем мы,
Или еще на ступеньку ниже,
На долю зерна темней,
Так темно, что едва ли вижу,
Но ты постарайся сильнее.

Нет, нет, нет, ангелы.

Нет, нет, Господи.

Давайте без этих вот иерархий.

Господи, ты погляди, что они творят.

Посмейся, скажи им: ну это навряд.

Расточи их гордыню,

Распусти пионерский отряд.

Давайте без этих вот категорий.

«Выключите свет...»

Выключите свет,
Этот яркий свет,
Пусть наступит тьма.

Выключите День,
Ночь придет сама.

«Барашек умер. Мать- Природа плачет...»

Барашек умер. Мать-Природа плачет.
Он был. Я есть. Все это что-то значит.
И разница глагольных форм
Нам не дает считать, что это норм.
Как не склонить сочувственную голову
При виде зверя мертвого и голого?
Он был барашек, а теперь баранина,
И я морально ранена.

«О жар любовный...»

О жар любовный
В себе я слышу:
И он сжигает
И он не свыше

Огня язы́ки
Лежу и вижу:
Жужжат и лижут
Все ближе к коже

Вот наши души
Голы и наги
Пепла белее
Быстрее бумаги

Крутит и вертит
В воздухе белом
Тело с нетелом

Жар ими движет
Жужжит болеет:
Любовь любовью
До донца выжжет
Дотла дотлеет

Доест до крошки
Плоть, дух и душу —
Тогда-то сядем,
Обняв подушку,

Вдвоем погреться, сомкнув колени,
Без страха глядя на то, как тени
Огня качаются
И не кончаются.

Ох, лишь по воле Твоей, о Боже,
Людам сидится смирно
В собственной коже.

«У нас ни мамы нет, ни папы нет, ни друга...»

У нас ни мамы нет, ни папы нет, ни друга.
Нас очень часто принимают друг за друга.
На что мы смотрим, сидя на стене?
Мы ни на что особенное не

«Гарри, прощай, я недолго буду с тобой...»

Гарри, прощай, я недолго буду с тобой
Когда доберемся до джунглей, ты уйдешь в эфир голубой
Старый лев на своем пути
Съест тебя и переварит, тебе придется уйти

Я так хочу стоять одна в одной из дальних стран
На лесной тропе среди сплошных лиан,
Но на свадебной карточке мы должны быть рядом,
Улыбайся, Гарри, и я отвечу взглядом.
Жажда смерти мои зажигает глаза, наставляет стопы на
зло,
Не думай, что тебе со мной повезло.

Я просто хотела уйти из дома.
Для этого люди выходят замуж.
Горе! дыши, огонь, в самые очи,
Яркий страх раздувай жар нагоняй жди ночи

«Возможно, я уже немолодой...»

Возможно, я уже немолодой:
Стоячей от меня несет водой,
В подмышках заросло, и галька пятки режет
И да, журчание мое напоминает скрежет —
Но малым рыбкам позволяю я резвиться

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.